

ИЕРОСХИМОНАХ МАКАРИЙ (ШАРОВ) († 1864)

Блажен, его же избрал еси, Господи, и
приял, вселится во дворех Твоих (Пс. 64, 5)

В память вечную будет праведник (Пс. 111, 6).

Хвалите Бога во святых Его (Пс. 150, 1)

I

Для людей благочестивых, интересующихся прошлым наших монастырей, представляют большой интерес описания жизни тех подвижников, которые были украшением святых обителей. Это вполне понятно и естественно, ибо чем же и привлекают к себе иноческие обители, как не святынями и подвижниками своими? Ради этого они воздвигаются, ради этого и посещаются благочестивыми христианами. И благодарение Господу, Глинская Богородицкая пустынь не оскудела святыней. Кроме многих частиц святых мощей, части ризы Господней и части ризы Пресвятой Богородицы, она имеет явленно-чудотворную икону Рождества Пресвятой Богородицы и нерукотворенный чудотворный образ Спасителя, от которых и поныне люди, с верой притекающие, получают обильно благодатные дары утешения, врачевания и т.п. Не оскудела Глинская пустынь и подвижниками веры и благочестия, каковыми были приснопамятные игумен Филарет, схиархимандрит Илиодор, архимандрит Иннокентий, монах Феодот и многие другие.

К числу этих светильников Глинской пустыни принадлежит и старец иеросхимонах Макарий, жизнеописание которого предлагается вниманию благочестивых читателей.

Приснопамятный старец скончался в 1864 году, но память о нем живет доньше и, благодаря происходящим от могилы его исцелениям, постепенно распространяется: в память вечную будет праведник.

Многие из сподвижников преподобного сошли за ним в могилу и унесли с собою память о многих важных делах и тайнах жизни его. Многие и из живущих ныне в обители иноков знали лично старца, но по своему смирению, и отчасти храня смирение подвижника, хранят свои о нем воспоминания в глубине своего сердца. Некогда Глинский иеромонах Панкратий, пользовавшийся любовью старца, много слышавший из собственных уст его о прошедших днях подвижнической жизни и сам видевший много совершавшихся по молитвам старца действий благодати Божией, тайно вел о том подробную запись. Узнал о. Макарий и

под страхом заклѣтия потребовал уничтожить записки; тот должен был исполнить волю смиренного старца. Поэтому нам, желающим хотя отчасти показать тот свет, каким в свое время так ярко горел он на свещнике Глинской обители, пришлось пользоваться только личными воспоминаниями некоторых иноков и несколькими письмами самого старца и о старце (А также извлечением сведений из архива Глинской пустыни). На просьбу, помещенную в 1-м издании описания жизни отца Макария (Курск, 1893), некоторые из лично знавших подвижника прислали свои о нем воспоминания. С великой благодарностью к ним мы воспользовались их сообщениями при издании настоящего жизнеописания, к которому при помощи Божией приступаем.

II

Святопочивший старец иеросхимонах Макарий (в миру Матвей Терентьевич Шаров) происходил из богатой мещанской семьи г. Ефремова Тульской губернии. Матушка его отличалась особенным благочестием, всегда ходила с четками в руках и воспитывала детей своих в страхе Божиим (Кроме Матвея, у ней было два сына и дочь). Следуя примеру своих родителей, Матвей Терентьевич был также набожным, смиренным, вел воздержанную жизнь: он не ел скоромного, читал духовные книги, удалялся от мирской суеты, усердно посещал храм Божий и часто молился Богу дома. Все это, хотя и кратко сказанное, довольно ясно обрисовывает жизнь подвижника до поступления его в Глинскую пустынь.

III

При столь ревностном направлении к богоугождению Матвей Терентьевич казался человеком не от мира сего. Нетрудно было видеть его предназначение для иной жизни, жизни уединенной, монашеской. Двадцати шести лет, в 1882 году, он окончательно решил оставить мир и поступить в Глинскую пустынь под руководство незабвенного аввы Филарета — мужа, известного святостью жизни и способного учеников своих благонадежно вести в Царствие Небесное по узкому пути смирения, терпения и послушания. Такое духовное окормление игумена Филарета прекрасно определил один из достойных учеников его, архимандрит Макарий (Глухарев) (Бывший в Глинской пустыни 3,5 года в период 1826—1829 гг), впоследствии великий миссионер, по всей справедливости названный апостолом Алтая. В одном из своих писем про Глинскую пустынь он говорит так: "Это школа Христова; это одна из светлых точек на земном мире, в которую дабы войти, надлежит умалиться до Христова младенчества". Вот в этой-то великой школе благочестия и привел Бог Матвею Терентьевичу подвизаться для спасения своей души.

Первоначально его назначили трудиться на монастырской пасеке, куда часто приходил отец настоятель, присматривался ко вновь поступившему и отечески учил его монашеской жизни. Много мудрости и духовного опыта заключалось в наставлениях богомудрого аввы. Окрыленный утешениями и молитвами святого старца, брат Матвей усугублял усердие к прохождению своего послушания и угождения Богу.

В 1830 году послушника Матвея перевели на братскую кухню, но там недолго он пробыл. Встретилась надобность в ключнике (Заведующим пищевыми припасами, покупающим их и раздающим в потребность братства). На другой год его, как вполне благонадежного, назначили на эту хлопотливую и ответственную должность, в которой он пробыл более шести лет до возведения в сан иеродиакона. Заметив в нем большую склонность к монашеской жизни и способность к выполнению ее, а также видя его усердие в послушании, отец Филарет 16 декабря 1833 года постриг Матвея в монашество с именем Макарий. Будучи еще послушником, он бдительно надзирал за состоянием своей души; сделавшись же монахом, отец Макарий еще более начал упражняться в этом. Усвоив себе матерь дарований — смирение, он поставил его во главе прочих добродетелей. Смирение выражалось в словах и делах его, в одежде и в каждом движении; словом, в короткое время он стал образцом

ИЕРОСХИМОНАХ МАКАРИЙ (ШАРОВ)

смирения, ради которого, по слову святых, волны благодати в душах поднимаются, чистота сердечная возсияет; бывает обильное излияние слез, ключом бьет сокрушение; в смирении — мудрость, разум, благоговение, воздержание, безгневие и всякое другое добро и есть, и видится, и славится (33-е поучение св. Феодора Студита. 4 т. Русского Добротолюбия).

Непрестанно стоя на страже своего сердца, о. Макарий оружием духовного делания заграждал вход в него страстям. Старец Филарет, радовавшийся о своем чаде радостью великой, наставлял его как должен истинный воин Христов вести себя в невидимой брани со врагами спасения. Внимательный ученик мудрого наставника быстро совершенствовался в добродетелях и наконец достиг того, что авва признал его достойным степени священства. 23 октября 1837 года монах Макарий посвящен был во иеродиакона. Приняв сей сан не по собственной воле, но по желанию своего настоятеля и руководителя, о. Макарий с особенной ревностью старался очистить свое сердце от всего земного и Богу неугодного, дабы быть достойным носителем благодати, принятой им при рукоположении. Служение иеродиакона Макария всегда отличалось особенным благоговением, заметным даже для других, несмотря на все старание его скрыть это от посторонних взоров, — отличалось чувством страха и трепета пред величием Вседержителя, страшному престолу Коего он предстоял!..

На следующий год отца Макария назначили помощником ризничего. В этой должности он состоял шесть лет, продолжая восходить от силы в силу духовного совершенства.

В 1839 году о. Макарий по достоинству возведен был в сан иеромонаха и еще более стал внимательным к себе. Сознывая всю важность принятых на себя обязанностей, он как бы отрешился от сего земного и мысленно стремился к небу. Хорошо ему было под отеческим кровом мудрого пастыря о. Филарета; в нем он всегда находил разрешение своих недоумений, прозорливый совет и благовременно необходимое указание. Но 31 марта 1841 года обитель Глинская лишилась своего настоятеля, а иеромонах Макарий своего поистине земного ангела-хранителя. Однако посеянное представившимся старцем семя, орошаемое силой его небесных молитв и подкрепляемое ревностью о спасении самого ученика, не только не заглохло, но и принесло впоследствии сторичный плод.

В Священном Писании и творениях святых подвижников приобретая глубокое познание высоких истин христианского аскетизма, о. Макарий стремился воплотить его в жизни своей и сделаться носителем добродетелей, указанных во Святом Евангелии Подвигоположником нашим Иисусом Христом. Но без побеждения плоти, воюющей на дух, нам невозможно достигнуть бесстрастия. Посему, зная сказанное: "иже не примет креста своего и во след Мене грядет, несть Мене достоин" (Мф. 10, 38), "Иже Христовы суть, — плоть роспяша со страстьми и похотьми" (Гал. 5, 24), он по силе возможности желал распять самого себя постом, поклонами и бдением. Неизвестно, в чем состояло его воздержание, однако судить о великости последнего заставлял наружный вид старца. Из себя о. Макарий представлял кости, обтянутые кожей, и более походил на мертвеца, чем на живого.

Св. Симеон Новый Богослов говорит: "Господь и Бог наш не того ублажает, кто только учит, но того, кто прежде творит, а потом учит. Иже, — говорит Он, — сотворит и научит, сей великий наречется в Царствии Небесном (Мф. 5, 19). Потому что те, которые слушают такого учителя, бывают готовы подражать ему, не столько получая пользы от слов его, сколько будучи подвигаемы и понуждаемы делами его, действовать подобно ему". Зная подвиги о. Макария и его наружный вид, показывающий в нем великого воздержника, нужно ли говорить, что один вид его поучал более всякого слова? Одна встреча с ним сильно трогала и побуждала к благочестию, возводя ум и сердце от земли к небу; от временного к вечному. Монахиня К., вспоминая почившего старца, пишет: "Отец Макарий был очень изнурен, без слез нельзя смотреть на него, я смотрела на него, как на мощи. Желая дать мне чулки, он стал их снимать с ног, и я увидела, что колени у него были потерты (от поклонов) "до крайности".

Конечно, нелегко досталось подвижнику это самораспятие, много требовалось с его стороны борьбы и самопонижения до болезненности (По учению св. Григория Синаита, всякий подвиг телесный и душевный, не сопровождаемый болезненностью и не требующий труда, не приносит плода: *Царствие Божие нудится, и нуждницы восхищают е* (Мф. 11, 12). Многие много лет неболезненно трудились, но ради неболезненности этой были чужды чистоты и непричастны Духа Святого, как отвергшие лютость болезней. (Письма о духовной жизни епископа Феофана)), но только таким усиленным умерщвлением своего тела и непрестанной молитвой он мог уподобиться ангелам и получить от Бога благодатные дары прозрения, целения и власть над нечистыми духами, ибо сей род, по слову Спасителя, исходит токмо молитвою и постом. Обессиленный болезнью, подвижник, лежа на ковре, не выпускал из рук Псалтири, а когда наступала ночь, вставал на молитву и, поддерживаемый под мышки двумя костылями, читал Святое Евангелие и беседовал с Богом так долго, что нельзя было не удивляться, как это он, при болезненном состоянии своем, мог так долго пребывать в молитвенном бдении. Но сила Божия в немощи совершается, если сам человек любовью к Богу и надеждой будущих благ старается без самосожаления ревновать о богоугождении, покоряя духу свою немощную плоть. Говорят, о. Макарий ежедневно клал несколько сот земных поклонов. Кроме того, вычитывал не менее 2 глав Евангелия, нескольких глав апостольских посланий и 3-х кафизм. Это его келейное правило, которое он обязан был выполнять помимо церковных служб (Такое же правило имел от о. Макария монах Иероним, умерший иеросхимонахом, и говорил, что оно первоначально исходило от игумена Филарета. Его держали и другие Глинские подвижники). По прочтении Евангелия каждого Евангелиста о. Макарий читал особую молитву. "Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, — зывал старец, — прости меня грешного, нечистыми устами словеса Святого Евангелия Твоего изрекшего: глаголю и не исполняю Твоих повелений. Ты, Владыко, пришел еси оживотворити умерщвленные грехми, просвети Евангелием Твоим ум, сердце и укрепи душевный мой храм, да не вотще учуся и возвещаю словеса Твои. Господи, Господи! Мудрости истинной Наставниче и смысла Подателю, душу мою объемь верою в словеса Тобою реченные и умягчи ю, да излиется пред Тобою, и аз буду в Тебе и Ты во мне, Благодетелю мой, да никогда же удаляюсь от любви Твоей. Ты мое пристанище, Ты тишина моя и спокойствие сердцу моему. Пробави милость Твою ведущим Тя, Тобою бо живем, движемся и есмы и Тебе славу воссылаем ныне и присно и во веки веков".

После долгого молитвенного подвига о. Макарий на короткое время упокоивал немощную плоть свою в кресле, которое семнадцать лет служило ему одром. Такие подвиги, совершаемые с чувством благоговения и сокрушения, снискали дерзновение подвижнику ко Господу. Молитве старца Бог внимал.

Госпожа Н., принадлежащая к высшему кругу и воспитанная в религиозных началах, ежегодно до и после замужества своего, посещая Глинскую пустынь, с верой приходила к старцу Божию. Однажды, приехав в обитель, она просила у о. Макария молитв о разрешении неплодия. Через год родился у нее сын, и когда она приехала благодарить старца, последний смиренно называл себя величайшим грешником, говоря, что молитвы его в этом случае бессильны, но если она получила желаемое, то это по силе своей веры и упования на Бога.

Священноинок А. говорил: "В Глинскую пустынь пришел я из Малоярославецкого Николаевского монастыря. Покойный настоятель, о. архимандрит Иннокентий, ввиду некоторых особых соображений, не имел обыкновения принимать в свой монастырь братию из других обителей. На мою просьбу о принятии о. архимандрит также ответил отказом, хотя и не стеснял меня сроком пребывания в монастырской гостинице. Три месяца прожил я здесь, не имея сил расстаться с обителью, которую искренне любил. Наконец, решился идти за советом к о. Макарию. Приснопамятный старец был уже болен и лежал на одре; пришел я к нему, поклонился в ноги и стал объяснять ему свою скорбь о том, что желание подвизаться здесь не может исполниться потому, что о. настоятель не благоволил принять меня. "Иди и просись, и примет тебя", сказал батюшка. Я так и сделал; и что же? Отец Иннокентий, сверх всякого ожидания, на этот раз сделал отступление от своего давно принятого правила: он **ИЕРОСХИМОНАХ МАКАРИЙ (ШАРОВ)**

принял меня, конечно, по молитвам о. Макария. В ближайшем к Глинской пустыни с. Сваркове Глуховского уезда жил честный непьющий труженик Данило, у которого попущением Божиим восемнадцать раз горело имущество; иногда в один год у него было 3—4 пожара: то сарай загорится, то плетень, то солома. Но всякий раз пожар скоро гасили без особенно больших убытков для хозяина. Последние разы односельчане даже не шли и пожар тушить. "У Данилы горит, не сгорит", говорили они. Однажды Данило одел одну ногу в лапоть и поставил ее на пол, под ногой загорелась солома. Пошел он к отцу Макарию и стал жаловаться на свою беду. Старец прочитал над ним какую-то молитву и сказал: "Теперь гореть не будешь", и слово молитвенника исполнилось: более Данило не горел.

Это не единственные случаи. Все с верой следовавшие советам подвижника получали не только душевную пользу, но и благопоспешение в житейских делах.

Заглянем в келлию старца. Она состояла из одной малой комнаты. Стекла в ней были заклеены бумагой, чтобы не развлекаться взором. Но почитателям и особенно любопытным почитательницам и ученицам подвижника желательно было взглянуть на смиренное жилище уважаемого наставника. Некоторым из них он сам показывал свою келлию, раскрывая ее двери. Вот как описывает келлию о. Макария почтенная монахиня Ф., ученица о. Макария: "В келлии была одна икона Страстной Божией Матери, распятие, несколько книг, стол, стул, простая деревянная скамейка (Заменявшая кровать), на ней лежал старый зипун, а на столе одно яблоко". Никаких украшений келлии старец не терпел.

Л.М. П-ов, первый раз войдя в келлию подвижника, поражен был полумраком. Осмотревшись, увидел, что окна заклеены бумагой, и невольно воскликнул: "Какая тут жизнь?!" Отец Макарий сказал ему на это: "Бывают большие страдания, но бывают и такие утешения, каких мир не знает".

Из этого описания смиренного жилища мы видим полную нестяжательность старца. Если бы захотел, он мог бы обогатиться деньгами и разными предметами неги и роскоши. Люди состоятельные, благодарные старцу за его добрые советы и исцеления, готовы были для подвижника сделать многое, но он все отклонял, желая остаться в боголюбезной нищете. Правда, иногда, уступая просьбам посетителей, о. Макарий принимал некоторые приношения, но сейчас же пересылал их настоятелю на обитель или раздавал другим посетителям. Из приносимого старец оставлял у себя только ладан и восковые свечи, которые и употреблял при совершении своих келейных молитвословий. Насколько он был вообще нестяжателен, можно видеть из того, что по смерти его найдена была только одна двадцатикопеечная монета в книге, положенная в виде закладки и так забытая.

Из своей келлии отец Макарий любил совершать прогулки в лес. Возьмет какую-либо духовную книгу, пойдет в лес, в уединенном месте сядет и читает или питает душу свою богомыслием и молитвой. Для молитвы он опускался на колени, и чистая душа его возносилась к Богу.

Однажды, по обыкновению своему, о. Макарий отправился на подобную уединенную прогулку; утомившись, сел около дороги и углубился в богомыслие до такой степени, что не слышал, как приблизился к нему ехавший крестьянин. В это время подвижник неожиданно встает. Испуганная лошадь крестьянина бросается в сторону. "Прости меня, брат", — смиренно кланяясь, говорил о. Макарий. "Если бы это был кто-либо другой... — отвечал с улыбкой мужичок, — но так как это о. Макарий, то следует замолчать". Этот сам по себе маловажный случай достаточно говорит о том, каким глубоким уважением пользовался подвижник не только в среде братства Глинской пустыни, но и за стенами ее.

Болезненное состояние и подвиги благочестия при полном самоумерщвлении по благодати спасающего Бога дали подвижнику прийти в бесстрастие и развить в себе сильную святую любовь к ближним. Своей любовью он готов был обнять весь мир и всех привести к Богу. Посему Сердцеведец-Господь и указал ему такое поприще, на котором за святое послушание удобно было применять эту любовь и служить спасению многих. Высокая жизнь старца была известна не только братьям Глинской пустыни и ее богомольцам, но и архипастырю. В 1844 году из Глинской пустыни в возобновленную Святогорскую обитель выбыл иеромонах Анатолий, исполнявший должность благочинного. По воле преосвященного Илиодора, епископа Курского, на место Анатолия назначен был о. Макарий, несмотря на то что не особенно давно сей ревностный исполнитель заповедей Господних по болезни был зачислен за штат. Приняв на себя трудную должность благочинного монастыря, о. Макарий самоотверженно предался исполнению своего долга. Во дни его благочиния в обители царил примерная тишина: полагаясь на бдительность благочинного, настоятель был спокоен, знал, что ради святого послушания о. Макарий готов пожертвовать своим собственным спокойствием для общего блага, знал, что и братья обители, по уважению к о. Макарию, будут сохранять требуемое благочиние. Как же действовал о. благочинный? Он как бы разделял свою любовь на две равные части: одну часть ее отдавал настоятелю, исполнять приказания которого он считал священным долгом послушания, другую часть любви подвижник отдавал братии, среди которой находились такие, кои или по ложной стыдливости, или по самолюбию, самосожалению, иногда по упорству отказывались исполнить данное послушание или приказание. Как тут поступить? Конечно, когда не действует кроткое слово отеческого увещания, можно бы употребить настойчивость; но это будет не так спасительно для исполняющего, если же он поведенное исполнит с ропотом или осуждением, то и грех. Доложить настоятелю? Но чем все кончится? У настоятеля власть большая, он может уволить непокорного из обители, а там инок совсем расстроится, и погибла душа его!.. Не лучше ли потерпеть? И единственно ради Бога, любви и желания спасения ближних, много терпел о. Макарий, часто подвергая себя неприятностям. Иногда он сам старался исполнить послушание отсутствующих: так например, неоднократно по ночам он месил хлеб и исправлял другие тяжелые работы. Вот тут-то, более чем где-либо, приходилось подвижнику применить наставление апостола: "Должни есмы мы, сильнии, немощи немощных носить и не себе угождати. Кийждо же вас ближнему да угождает во благое к назиданию" (Рим. 15, 1—2). "Друг друга тяготы носите, и тако исполните закон Христов" (Гал. 6, 2). Тут-то пришлось доказать свою любовь к ближним, которая, по слову того же богоглаголивого учителя языков, долготерпит, милосердствует, не завидит, не превозносится, не гордится, не ищет своих сил, не раздражается, не мыслит зла, не радуется о неправде, радуется же о истине; которая вся любит, всему веру емлет, вся уповае, вся терпит, николиже отпадает (1 Кор. 13, 4—7). Про о. Макария можно сказать то же, что было сказано про тезоименитого ему подвижника авву Макария Египетского: "Он всех покрывал любовью".

Но любвеобильное отношение о. Макария к братии состояло не в одном только снисхождении к виновным. Нет. Покрывая любовью недостатки, он глубоко скорбел о них, просил, умолял их исправиться, давая на это свои опытные советы и молился о них. Его учение, исходящее из сердца, пламеневшего любовью к Богу и ближним, по благодати свыше было так действенно, что те, к кому обращено было назидание, невольно преклонялись перед могучей силой слова его и преклоняли свой разум во святое послушание. А исправив таковых, о. Макарий был спокоен; он знал, что исправленные им более уже не решатся сделать что-либо несоответствующее уставу обители, боясь этим огорчить его (Только ввиду надежды исправления любовь отцов терпит самовольных братии; в противном случае "лучше изгнать послушника из обители, нежели позволить ему исполнять свою волю" (Лест. слово к паст. 14, §4)).

Требованиями послушания поставленный в необходимость соприкосновения с людьми

светскими, он и с ними находил о чем беседовать и умел всем быть полезным. Начиная с обыкновенных вещей, о. Макарий незаметно умел направить разговор на тему о спасении души, и тогда-то оживленно и как бы вдохновенно начинал он, как из чистого источника, напоять слушателей словом спасения. Увлеченные обаятельной силой его слова, собеседники внимательно слушали подвижника, и многие через него познали науку истинно христианской жизни.

Забываясь о спасении других, о. Макарий не мог забывать о собственном спасении, умел охранять себя так, что общение с мирскими людьми несколько не влияло на него. За отличное и благотворное свое служение в должности благочинного о. Макарий 7 июня 1846 года был награжден набедренником; но не внешние награды утешили его, а то бывало для него высшей наградой, когда душа грешная, под влиянием его убеждений и теплых, истинно отеческих поучений, более познавала своего Создателя и старалась угождать Ему.

VI

Много путей благочестия и погибели. Часто бывает, что иной противится одному и искренно согласен с другим; между тем у обоих намерение благоугодно Господу. Жития святых представляют немало таких примеров. По Божию попущению, для усовершенствования искушаемых в братолюбии и самоотвержении, праведные мужи, одушевляемые любовью, смирением, безусловным послушанием воле Божией, бескорыстным служением благу ближних, при стечении обстоятельств и проявлении злобы и страстей людских, яко плоть носящие, охлаждаются один к другому, не выходя из своего незлобия и, как бы в огне очистительном, сгорая в обоюдной скорби и печали. Это один из высших крестных подвигов мужей высокой святости, недоступной плотскому суду и разумению человеческому. Нечто подобное было и с о. Макарием. Своей любовью он старался покрыть перед настоятелем немощи немощных братии и нередко за это сам подвергался неприятностям. Не мало приходилось ему терпеть скорбей от некоторых сподвижников за прием посетителей, особенно женского пола, а обязанности благочинного и старца много отвлекали его от богомыслия. И вот о. Макарий решился отказаться от благочиния и от приема посетителей, желая в келейном уединении работать единому Господу. В 1849 году, во внимание к болезненному состоянию отца Макария, по его просьбе уволили его от благочиния, а спустя два года, по болезни же, освободили от чреды священнослужения. С сего времени участвовал только в соборных службах, продолжая "примером жизни своей и словом опытного назидания благотворно действовать на других" (Пометка настоятеля в послужном списке о. Макария).

С увольнением от благочиния о. Макарий из своей келлии стал только выходить в храм Божий да для уединенных, и то редких, прогулок, во время которых его чаще обыкновенного видели на кладбище, где многое и о многом говорило его смиренной душе. Уединенное пребывание о. Макария в келлии называли затвором, хотя оно не было таковым в полном значении этого слова. Впрочем, насколько возможно, сам подвижник старался укрыться от всего развлекающего внимание и свое уединение уподобить затвору. Для этого он ширмами огородил малое место в своей келлии и там стоял в непрестанной молитве и богомыслии. Некоторые такое уединение ставили подвижнику в вину, но праведник не подлежит правилам закона (Гал. 5, 23; 1 Тим. 1, 9) (Ибо этот закон воплотился в нем и сам праведник сделался для других законом). Господь законополагает согрешающим на пути (Пс. 24, 8; 1 Тим. 1, 10). Конечно, людям, привыкшим к внешней жизни, уединение о. Макария казалось бесполезным. Каждый судит по себе и, осуждая других, обличает неустройство своей души. Не привыкшим к уединению, молитве и трезвению ума, трудно предположить, что другие уединяются ради преуспевания души своей, желая быть только с Богом и Ему единому угождать. Кто не считает время потерянным, когда оно потрачено на обычные разговоры в келлии, тот, конечно, думает, что и другие в келлии своей предаются пустословию или покою. Но каждого по плодам познать можно. Был такой случай. Сошлись вечером два инока для взаимной беседы.

Между прочим разговор перешел на о. Макария. "Что он затворился, — говорил один, — в затворе хорошо спастись, не видя соблазнов; вот если бы он жил так, как мы, видя соблазны и как будто не видя их, то это был бы великий подвиг". Сказавшему это следовало возвращаться мимо келлии о. Макария. Последний, открыв дверь, позвал его и говорит: "Прости меня, брат, прости грешного и немощного, не могущего подвизаться так, как подвизаетесь вы и от соблазнов мира уединившегося в келлию; прости меня, Бога ради". Пораженный не столько глубиной смирения, сколько словами, произнесенными им несколько минут тому назад и повторенными теперь перед ним старцем, судья чужих дел и намерений упал в ноги смиренному подвижнику и искренне просил у него прощения.

VII

По уединении отца Макария, многочисленные почитатели его лишились назидания; пробовали было приходить к его келлии, но получили отказ в приеме. Тогда некоторые из них просили настоятеля, дабы он за послушание приказал о. Макарию принимать приходящих и назидать их словом спасения. Но он не желал этого без согласия старца, который между тем, как хлебное зерно под прикрытием внешних покровов, незаметно более и более созревало духом, чтобы раскрыться и насытить собой голодных духовно. Когда кончилось это созревание, ему поведено было показать свой плод. Почтенный старец монах Исихий, от которого о. Макарий принимал различные услуги, передавал нам, что подвижник стал принимать посетителей (Отец Исихий — монах Тульского Щеглова монастыря, подвиги свои начал в Глинской пустыни и сказанное про о. Макария передавал при посещении прежней своей обители), как лично слышал, по следующему случаю. "Лежу я, как теперь, утомленный и немощный, — говорил о. Макарий отцу настоятелю, — явился мне ангел Божий и сказал: "Принимай народ". Теперь я не могу противиться и должен исполнить волю Божию". После этого старец получил благословение от аввы на прием приходящих. Кроме того, было о. Макарию видение, по которому он без смущения стал принимать женский пол. "Я вас не принимал бы, — говорил подвижник монахине, — да мне было видение. Вижу, будто иду в церковь. По монастырю и около меня летает множество ласточек. Они садятся и на руки, и на плечи мне; я их беру в руки и одуваю. После того будто возвращаюсь из церкви и на голове несу крест, а на крышах монашеских келлий грачи каркают на меня". Видение ласточек было понято о. Макарием в том смысле, что он не должен отказывать в приеме женщин, ищущих его совета; несение креста означало, что дело это — не легкий подвиг; а каркающие грачи означали тех братии, который роптали по поводу приема женщин.

Когда отверзлись двери тесной келлии о. Макария, все и всегда, и во всякое время могли идти к нему в твердой уверенности, что найдут здесь и опытный совет и благодатную помощь (Женщин старец принимал в коридоре потому, что Глинский устав не позволяет женскому полу входить в помещения иноков). Келлия подвижника ежедневно была свидетельницей разрешения многообразных духовных нужд, вопросов и недоумений. Тут ежедневно с утра и до вечера многие открывали сердечные помышления свои, проливали обильно спасительные слезы умиления и раскаяния, давали обеты к исправлению жизни, разрешали свои сомнения.

Изумительно было спокойствие старца в минуты наставнической его деятельности! На его светлом лице сияла чистая радость, как отражение чистоты его сердца; в его взоре проявлялась ангельская кротость, как выражение внутреннего мира. Он весь был любовь, как выразилась про него одна почитательница. С одинаковым терпением старец выслушивал и нелепое суеверие темного человека, и безверие ученого человека, и его безумное вольнодумство, и бессмысленную жалобу крестьянской женщины, и замысловатую пытливость барыни, и бесхитростный рассказ простолюдина, и хитросплетенную фразу мудрецов мира сего; ничто не могло возмутить его христианского терпения, его полного духовного спокойствия; все было им покорено глубочайшему смирению. Это был истинный учитель нравственного богословия и духовного делания.

Не отличалось слово о. Макария блеском красноречия, но оно проникнуто было мудростью, свыше исходящей, согрето кротостью и любовью, растворено духовным рассуждением, которое святыми отцами признано выше всех добродетелей. Его смиренное слово было вместе с тем и слово действенное, заставляло повиноваться и веровать; оно восставляло безнадежного, и плотского человека мало-помалу делало духовным. Из келлий старца печальные выходили радующимися, скорбящие — утешенными, отчаявшиеся — с надеждой покаяния, самонадеянные — смиренными, закоренелые грешники — возбужденными от греховного оцепенения. Всех, кто с полной верой приходил к о. Макарию, истинно желая положить благое начало исправления и начать новую о Господе жизнь, он с искусством мудрого врача, читая прозорливым оком прошедшее, незаметно приводил к сознанию прежних дел, в которых теперь, по вступлении на путь спасения, следовало каяться, учил заглаживать их постом, молитвой и добрыми делами и не превозноситься этими подвигами богоугождения. Если же кто не сознавался, старец напоминал ему и давал должные спасительные наставления.

Люди, привыкшие к исполнению всех своих пожеланий, не обращая внимания, согласны или не согласны они с волей Божией, часто получали совет старца, противный их ожиданию, потому что последнее не было угодно Богу. Не рассуждая об этом, многие говорили: "Отец Макарий всегда скажет против твоего желания". Ибо во главе своих советов старец всегда ставил смирение; из этой добродетели выводил он все прочие добродетели, составляющие характеристику истинного христианина. Поверять свою совесть, быть в постоянной борьбе со своими страстями, очищать душу от грехов, любить Бога в простоте сердца, веровать в Него без рассуждения, беспрестанно иметь перед собой Его беспредельное милосердие, всеми силами души своей хвалить и благодарить Его; во всех неприятностях жизни искать вину в самом себе и всякую вину ближнего против нас прощать, дабы исходатайствовать тем у Господа прощение своих грехов; стараться водворить в себе любовь к ближнему, хранить мир и спокойствие в своем семейном кругу, чистосердечно участвовать как в радостях, так и в скорбях своих ближних; чаще вспоминать и стараться исполнять заповеди Божий и постановления Святой Церкви, если возможно, несколько раз в году говеть и приобщаться Святых Тайн, строго соблюдать посты, чаще бывать в церкви; каждодневно читать утренние и вечерние молитвы и хоть несколько псалмов, а ежели время позволяет, то читать Евангелие и послания апостольские; кроме того, утром и вечером молиться о упокоении усопших и о спасении живых, и во главе сей молитвы с благоговением молиться о государе императоре и о всем царствующем доме; если же какую-либо из сих обязанностей по каким-нибудь обстоятельствам не пришлось бы исполнить, то укорять себя в этом, намерением впредь сего не делать; молиться и за тех, к кому питаем какое-либо неудовольствие, так как это есть вернейшее средство к примирению о Христе; правду говорить в глаза; если случатся от этого неприятные последствия, то переносить их терпеливо, а за глаза никого не осуждать. Вот сущность уроков, которые преподавал о. Макарий многим, жаждавшим его назидания и поучения.

VIII

В частности, наставления богомудрого старца были весьма разнообразны. Здесь мы укажем несколько случаев отношения его к приходящим.

Пришла к отцу Макарию одна женщина и в присутствии посторонних громко раскаивалась в своих великих грехах, но о. Макарий, знающий, что кому полезно, как бы не обратил на это внимания, не принял женщину и ни слова не сказал ей. Пришла она в монастырскую гостиницу и, горько рыдая, говорила: "Великая грешница я, недостойна получить и благословения"... Монахиня N. посоветовала ей снова идти к о. Макарию. На этот раз женщина была принята старцем, утешена и возвратилась в гостиницу с великой радостью.

Две сестры жили вместе, и обе были больны. Много раз они приходили к о. Макарию; он не допускал их к себе. Сознывая себя недостойными, они просили батюшку помочь им через свою прислугу — мальчика, которого о. Макарий полюбил и больным господам посылал просфоры, святую воду, свой хлеб, угольки из кадила и проч. Сестры все это принимали с верой, в точности исполняли советы старца и не только исцелились телом, но, что самое главное, душой. Мудрый старец это провидел, а пусти их к себе, они могли бы кичиться, что он их принимает, и вряд ли получили бы такую себе пользу.

В конце девяностых годов 19го столетия мимо одной келлии Глинской пустыни проходит пожилая, скромно, но прилично одетая женщина и набожно крестится. Это заинтересовало монаха Н., он решил спросить ее. "Перекрестилась я потому, что проходила мимо бывшей келлии о. Макария, которого хорошо знала и бывала у него. Он меня отучил от нарядов. Была я молода и в купеческом звании считала необходимым нарядиться получше. Приду в обитель, меня и позовет о. Макарий и велит вынести, да подальше, таз, переполненный грязной водой. Совестно мне было нести таз на народе и боязно помочить свое платье, но послушаться батюшки я не думала. Принесу таз, а о. Макарий и говорит: "Тебе надобно скромнее одеваться, наряды ни к чему не ведут". Когда оденешься скромнее, батюшка таза носить не заставлял, так я и научилась у него скромности в одежде и теперь всегда помню его". Упоминаемый выше Л.М. П-ов рассказывал нам, что в конце пятидесятых годов прошлого столетия он во время великого поста пришел к о. Макарию просить благословения. Старец в приотворенную дверь высунул свою руку и благословил, не показывая лица. "Теперь в подражание Иисусу Христу, время поста, слез и молитвы, приходи после Пасхи, побеседуем". После Светлой недели я был в Глинской с одним товарищем и собрался с ним идти в скиток. Вдруг слышу: "Что ж ты, раб Божий, когда нельзя было, приходил, а теперь проходишь мимо?" Это говорил о. Макарий. Я подошел к нему. Он благословил и пригласил меня к себе. Отец Макарий заставил меня перекреститься три раза, сам низко мне поклонился, и я ему, потом подошел ко мне и, целуя в плечи, говорит: "Христос посреде нас" и научил меня по-монашески отвечать: "Есть и будет". После этого о. Макарий спросил: "В монахи хочешь?" — "Да, батюшка, благословите!" У тебя мать на попечении, благословит — иди. А в какой монастырь думаешь?" — "В штатный". — "В штатный? — удивленно спросил старец, потом подумал и сказал, — Поживешь там год, может быть, немного более, выйдешь из монастыря и женишься". Почему старец знал, что я желаю быть монахом и имею на попечении мать? Он меня вовсе не знал (Все сказанное Л.М. о келлии старца относилось к этому посещению). Поступил я в штатный монастырь, и слова о. Макария исполнились. Прожив год и 3 месяца, я оставил монастырь и поступил на место псаломщика, где женился, и вот женат уже 36-й год" (Л.М. П-ов это говорил в Глинской пустыни в 1896 году).

Девушка К., скорбевшая о смерти своей матери, в Ахтырском монастыре перед чудотворным образом Царицы Небесной дала обет поступить в монастырь; отец не пустил ее, а после прошло и желание быть монашкой. Но совесть не переставала ее мучить за неисполнение обета. Долго и усердно молилась она Богу. Молитва ее была услышана. Усердное моление и скорбное лицо девушки обратили внимание одной благочестивой особы, она подошла к ней в храме и с участием стала расспрашивать. Обрадованная этим, Н. откровенно, ничего не скрывая, рассказала о причине своей печали. "Никто не разрешит этого, как только о. Макарий", — отвечала ей вопрошающая и предложила вместе с ней ехать в Глинскую пустынь. Отец Макарий решил так. "Если эта девушка поедет в женский монастырь и у ней снова явится желание поступить туда, то, значит, воля Божия быть ей монахиней; если же не будет желания, то, значит, обет дан был необдуманно, в порыве постигшей скорби". Она поехала в монастырь, и у ней возгорелась такая ревность к монашеству, что она ни за что не хотела вернуться к родителю, который ее насильно взял обратно, но она опять ушла в монастырь и теперь более 20 лет монахиней.

Раз пришли к о. Макарию две девушки: одну благословил выйти замуж, другую не

ИЕРОСХИМОНАХ МАКАРИЙ (ШАРОВ)

благословил; но последняя не послушала старца, тоже вышла замуж и через два месяца овдовела (Прозорливый старец знал ее несчастное будущее, потому и не благословлял).

На прощании с посетителями старец иногда давал мед, лимоны, кресты; некоторым деньги и каждому что-либо при этом предсказывал. Слова его в свое время исполнялись. Некоторым подвижник давал писанные или печатные от руки полууставом молитвы, чаще всего молитву преподобного Архиппа, и советовал их в известное время читать.

IX

По уважению к великому благочестию подвижника многие письменно просили у о. Макария руководства в духовной жизни, совета в недоразумениях и утешения в скорбях. Любвеобильный старец с готовностью отвечал на такие просьбы.

Вот несколько его ответов. Тот же Л.М. П-ов, при обращении на путь богоугодной жизни, сразу хотел стяжать великие добродетели, слезы и проч. Отец Макарий писал ему: "В мире живучи, не ищи великой меры и не печалься о неимении слез, довольно, если помощью и покровительством Божиим соблюдешься грехов падательных (Падений или смертных плотских грехов), а в повседневных — будешь приносить Господу Богу исповедание и молитвы. Пока не вступишь в монастырь, не доискивайся многого, соблюдай себя от возношения, осуждения, дурных, праздных и вредных сообществ, наипаче содружества и пристрастия женского. Целомудрие и смиренный нрав всего нужнее. Когда будут слезы — плачь, но не услаждайся ими и не мни о преуспянии; теперь тебе не дастся великое, а только милосердный Господь, желая спасения грешника, посылает вдохновение и понуждение с подкреплением, чтобы востекал на путь покаяния и приучился к постоянству (К постоянству богоугождения). Вступлению в монастырь слабое здоровье не считай препятствием, и слабейшие тебя живут".

Монахине Н., увлеченной первыми подвигами ревности по Боге, старец дает мудрое наставление и предостережение: "Желаю тебе с помощью Царицы Небесной преуспевать во благое, не удаляясь от смиренномудрия. Письмо твое меня и порадовало, но вместе и озаботило напомнить тебе, чтобы ты не быстро смотрела на свои мнимые исправления (подвиги); помни, что Господь сказал Своим ученикам: аще и вся поведенная вам сотворите, глаголите, яко раби неключимы есмы, ибо вся наша правда и добродетели, если не растворит Господь Своим милосердием, обрящутся пред Ним аки рубище, в срамоте поверженное; посему нам необходимо всегда смирять себя, а не возноситься и идти по совету премудрого средним путем, не уклоняясь ни на десно, ни на шуие; всегда нужно умерять себя, чтоб не быть ни слишком горящей, ни охлаждающей, ибо и то и другое не полезно; притом же старайся быть ко встречающимся оскорблениям сколько возможно снисходительной, дабы не зазорно могла произносить: и остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должникам нашим. Господь, убеждая нас к сему, сказал: отпускайте и отпустится вам.

На письмо о постигших скорбях в подвиге спасения старец писал: "Господь наш Иисус Христос и Пречистая Его Матерь Приснодевственная Мария да утешит вас печальных и скорбных, и укрепит изнемогающих! Вы уже уверены святым царем Давидом, что сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит. Истинно не уничижит Господь претерпевающих скорби. Он сладко защищает к Нему воздыхающих и сладко питает сырых. Господь знает все наши болезни и оскорбленное ваше сердце; Он смотрит отеческим оком на терпение, благоугодное пред Ним и, когда Ему угодно, предающуюся в волю Его душу освободит от всех болезней и скорбей! И тогда страждущее сердце возрадуется о милости Божией радостью неизреченной". Послушниц П. и Е. напоминанием о цели их поступления в монастырь старец хочет подвигнуть к большему усердию и потому пишет им: "Прошу помнить, зачем мы пришли в монастырь и на какой конец? Для спасения души нужно непременно: терпение, смирение, молчание, незлобие, безмолвие, молитва и пост, а наипаче послушание безропотное; будьте осторожны в словах, никого не осуждайте, а то как ржа железо поедает,

ИЕРОСХИМОНАХ МАКАРИЙ (ШАРОВ)

так и осуждение все добродетели истребляет. Прошу вас, вооружайтесь обоюдоострым мечом — словом Божиим" (В этих кратких словах богомудрого подвижника заключена вся сущность и программа жизни христианина, и тем более инока).

Монахине, писавшей ему, что она худо живет и некому ее научить, о. Макарий отвечал: "Прежде всего и более всего молись усерднее Господу Богу, чтобы Он тебя вразумил и научил всему благому и полезному, имей всегда и ограждай себя страхом Божиим, ибо это начало всей премудрости; прилежи смирению и послушанию, не удаляйся от терпения, оно очень полезно. Сколько возможно убегай смеха и разных кощунств, всему время, время всякой вещи под небесем. Было время смеяться, но уже пришло время, в которое надо оплакивать прежде содеянное. В подтверждение сего и святой апостол Павел пишет: егда бех младенец, тогда яко младенец глаголах, яко сладенец мудрствовах, и яко младенец смышлях; егдаже бех муж, тогда отвергох вся младенческая. Вот так-то и ты поступай и не держи в памяти своей сего, что некому тебя научить, как жить и спасти душу свою. Если захочешь учиться, то всегда от всего будешь учиться, а если не захочешь внимать себе, то и никто тебя не научит, — помни всегда, последняя твоя и во веки не согрешишь, так некогда сказал премудрый".

Сетующей монахине, что у нее нет слез для оплакивания грехов, мудрый опытом старец пишет: "Жалеешь ты, что у тебя нет слез для оплакивания грехов; но не скорби о сем, ибо Господь отвергнул все добродетели фарисея, а принял мытарево одно воздыхание и две лепты вдовицы предпочел всем приношениям; посему несомненно надо верить, что если мы воздохнем только от чистого сердца ко Господу, то Он и сие примет от нас паче источников слез, которые, может быть, текли бы у нас с примесью или тщеславия, или осуждения, или еще — всего хуже — гордости; поэтому советую тебе всегда во всем благодарить Господа и не желать излишне того, чего не имеем, потому что мы не знаем, послужит ли то нам в пользу. Нам необходимо внимать себе, стараться сколько возможно уклоняться от пороков и прилежать добродетели, на всяк день стремиться положить начало благое".

На вопрос о келейном рукоделии он отвечал: "О рукоделии я тебе ничего не могу сказать определенно, но советую поступать так, чтобы тебя совесть не упрекала, ибо нам должно лучше любить Бога, нежели свои прихоти, посему и советую тебе поступать по своей совести". Желая предостеречь монахиню от тщеславия, что она с ним имеет переписку, он пишет: "А мне, смиренно тебя прошу, в другой раз не обещать своей усердной благодарности, да не придет тебе помысел, что на твое письмо отвечает грешный Макарий благодарности ради. Прости, что я тебе о сем напомнил. Желая тебе убегать злого и творить благо, да спасешься! Чего тебе и всем усердно желаю".

В скорби об участи умерших родителей старец письмом утешает. "Скорбь по земным родителям пользы им не приносит, упокоевайте их поминовением, панихидами и милостыней. Это уже есть надежда крепкая и помощь сильная. Истинный помощник и утешитель наш Всесильный Бог. Вы только к Нему Единому обращайтесь, и воздыхайте, и плачьте, и Господь, видя такое ваше на Него упование и преданность, будет вашим заступником и поможет вам во всем и я, немощный и слабый иеромонах Макарий, по силе своей, не забуду помянуть в своей холодной молитве вас и родителей ваших".

Должностному лицу о. Макарий писал: "Не тяготитесь делать добро бедным вдовам и сиротам, пока время для вас удобное и возможное. Не думайте, что это вам не принесет никакой пользы и награды. Нет, это будет самое прочное богатство для вашего спасения; оно, может быть, оправдает вас перед Богом во время великой нужды".

Вот увещание о. Макария о благоугождении Богу, писанное одной боголюбивой особе: "Любящим Бога вся поспешествует во благое: и самый злобный дух, озлобляющий разными способами весь человеческий род, хотя и невольно, но служит к увенчанию благодушно претерпевающих. А временное все, что бы ни было, как сон по пробуждении: только что

ИЕРОСХИМОНАХ МАКАРИЙ (ШАРОВ)

помнится, но уже прошло, предстоит лишь настоящее. Так и по истечении всех дней нашей жизни, в минуту разлучения души от тела, сердца же от суетных помышлений и желаний, представится как какое пробуждение от сна. Тогда придем в познание самих себя, и дел наших и окончания дней наших, но уже поздно! Тогда ясно откроется глазам нашим и увидим, в какой суете и забвении о вечности провели мы всю жизнь нашу, какая неизъяснимая жалость будет о том, что не усердствовали вниманием слову Божию и не жили так, как научал нас через проповедь Священного Писания Господь наш Иисус Христос. Тогда увидим, что ласкательствующий сон мира сего уже кончился, и мы, усыпленные его прелестными видениями, уже проснулись; тогда увидим, чего никогда не видели столь явно, хотя иногда и слышали, как через сон, доходящее до нас апостольское слово: что сеяй в плоть свою от плоти пожнет истление. Тогда-то мы увидим, как все это истинно и как суетны были наши дела и помышления, которые не были о жизни будущей по смерти сей временной, но о том только, что угодно было нашему плотскому вожделению, что услаждало плотскую нашу чувственность, и как мы уже пожинаем невольно плод гибели и смрада, томления и муки, определенные праведным судом Божиим. Увы! Тогда уже поздно раскаяние: потеряли время, данное ко спасению, провели дни свои в празднословии и осуждениях о ближнем; охотно, назирая других пороки и немощи, не внимали нимало своему спасению. Сладки были разговоры даже и в церкви Божией о разных посторонних вещах, а о своем душеспасении не хотели помышлять и не старались предстоять в молитве со страхом Божиим, где святые ангелы невидимо предстоят славе Божией, и тут пустословили и смеялись безумно! О, бесстрашные! И обычно стало уже между многими ходить в Святую Церковь для взаимного свидания, а не для слушания, что поют или что читают, чтобы поучаться слову Божию и вести по оному жизнь свою: нет, не для того сердце идти сюда умышляло, когда оно об украшении тела пышными одеждами более всего заботилось, чтобы показаться перед знакомыми. Так мы стоим в бесстрашии перед Господом, взирающим на мысли каждого! Итак, почтеннейшая сестра о Господе, будем почаще говорить: "Всели в мя, Господи, корень благих и страх Твой в сердце мое!.." К вам пишу, пребывающим в благочестии, к вашему сердцу, всегда благоговееющему к слову Божию; пишу я к душе, любящей Бога, пусть она внимает истине, во всякой вещи славословить Господа. Кротость и смирение, терпение и любовь о Господе ко всем — вот путь к Царствию Небесному. А истина и путь есть Сам Христос Спаситель мира. Простите меня сердечно, если какое-нибудь слово, писанное мной, оскорбило вас; да воздаст вам Господь все благое и да сохранит вас от того, что есть злое. Буди вам мир на сердце и благоволение Божие во спасение, и мое буди вам благословение".

Девушка Н. искала душеспасительных советов у многих старцев. Отец Макарий через друга своего, Глинского подвижника схиархимандрита Илиодора, передал ей, чтобы она, "если хочет быть спокойной, избрала себе одного старца опытного, внимательного и его советов слушалась, а не многих, ибо там мало пользы, где учат многие и всякий советует по-своему" (Св. авва Дорофей, объясняя слова "Спасение есть во мнозе совете" (Притч. 11, 14), пишет: "Не говорить (писание): в совете многих, чтобы с каждым советоваться но что должно советоваться обо всем с одним" (старцем). 5-е поучение ав. Дорофея).

Х

Отец Макарий, служивший всем к обновлению внутреннего человека, не мог забыть и ближних присных своих — сподвижников обители Глинской. Во всех обстоятельствах жизни, при всяком прилоге вражеском, многие из братии спешили к батюшке. Однажды приходит к нему иеромонах Моисей, надеясь в беседе с богомудрым старцем найти утешение своих скорбей; но о. Макарий, едва дыша от усталости после приема множества посетителей, просил прийти к нему на завтра. Выйдя из келлии подвижника, о. Моисей в великой скорби безмолвно возвел очи свои к небу, и его молитва была услышана. Наутро, только чуть дневной свет забрезжился, старец посылает за о. Моисеем. Когда тот пришел, о. Макарий, кланяясь, сказал ему: "Прости меня, отче и брате, грешного, что отказал тебе вчера; мимошедшую ночь

много за сие пострадал". С тех пор подвижник безусловно предал себя на волю братии обители: они могли входить к нему во всякое время без всякого доклада, только по обычаю монастырскому, сотворив молитву Иисусову; они уже не опасались прийти не вовремя или побеспокоить старца. Его покой был душевный покой и добрая совесть его учеников. Как чадолюбивый отец, он обеспокоивался лишь одним — если долго не видел у себя кого-либо из относившихся к нему постоянно. Назидание искавших духовного руководства приснопамятного старца требовало с его стороны, очевидно, многих трудов, и о. Макарий, покорно неся на раменах своих это нелегкое бремя, был мудрым и опытным вождем подвижников. Велики были его мудрость в назидании братии, его усердие и любовь к ним, его умение применяться к нуждам иноков. Не было инока, которому бы он не служил примером, не было минуты, в которую он не заботился о душевной пользе братии, не было случая, который бы он отпустил без назидания; не было заботы, которую бы он добровольно не принимал на себя ради блага братии. Он имел все качества, необходимые для духовного наставника и руководителя: и высшее призвание, и дары благодати. Иноки Глинской обители питали к нему глубокое уважение и приходили к нему без всякого сомнения, как к опытному врачу не только душевных, но и телесных немощей. Кто небрег о своей душе, того так или иначе отец Макарий старался привлечь ко спасению. Однажды он позвал к себе проходящего мимо послушника Михаила и просил его поставить самовар. Тот при всем нежелании не осмелился ослушаться старца и спешно стал исполнять данное послушание, а как только закипел самовар, хотел уйти. Отец Макарий говорит ему: "Не буду пить, если ты уйдешь. Будем пить вместе". За чаем подвижник стал спрашивать у Михаила, куда он шел, но получил уклончивый ответ. Прозорливец, не обличая его греховного намерения, стал увещевать жить по-монашески, и слово старца имело благотворное влияние на брата. Но прибегая к о. Макарию в частных случаях, немногие желали избрать его в постоянные руководители от Святого Евангелия при постриге, когда требования старца вменяются как заповедь. А эти требования строгого аскета были строги, и не всякий их мог понести, да и из желающих о. Макарий не всякого принимал, а только тех, кого видел по ревности богоугождения способными исполнять его правила. Сам прошедший многотрудный иноческий искуc, о. Макарий и в учениках воспитывал терпение, смирение, послушание и страх Божий, стараясь устранить вредное в спасении самосожаление, при котором подвижнику нельзя взять креста своего и следовать за Христом по узкому пути самоотвержения. Зато, раз вверившись старцу, ученики благонадежны были, что о. Макарий поведет их верным путем к Царствию Небесному. Из числа учеников приснопамятного подвижника известны: архимандрит Иннокентий, иеросхимонах Илиодор, монах Петр, иеромонах Иосиф и другие. <...>

Относительно иеромонаха Иосифа и старца известен один случай, еще подтверждающий, что о. Макарий знал чужие помыслы. За множеством народа, приходящего к старцу, иногда трудно было пройти по монастырскому двору ко святым вратам. Однажды мимо народа надобно было идти о. Иосифу. Досадуя на народ, задерживающий движение, о. Иосиф подумал: "Ишь старичишка, какую массу народа собрал к себе, и охота же ему возиться с ними, а тут они тебе прохода не дают". После этого, проходя мимо старцевой келлии, он вдруг слышит стук в окно. Приходит к отцу Макарию и спрашивает: "Вы меня звали? — "Да, звал, — отвечает он, — скажи, Бога ради, что делать мне с народом? Видишь собралось их сколько, а я, окаянный старичишка, возись с ними, прохода не дают". Ученик понял, что старец познал его мысленный ропот и вот теперь призвал к себе, просить совета, что делать с народом. Пораженный этим, иеромонах просит прощения. Прощая, старец говорит: "Я, грешный, не от себя так поступаю, а за послушание Царице Небесной".

Если ученик, иеромонах, подвижник, обладающий опытом и благоразумием, иногда, по немощи человеческой, способен был к ропоту, то что сказать о других, не учениках старца, менее благоразумных и не так опытных? Когда многие восхваляли о. Макария, находились такие, кои по зависти к славе старца или соблазняясь приемом женского пола, в благих

намерениях подвижника видели худое и клеветали на него настоятельно, стараясь во что бы то ни стало удалить о. Макария из монастыря. Дошло до того, что и сам он стал со скорбью помышлять: что, если и в самом деле попущено будет ему оставить любимую Глинскую пустынь? Через своего верного раба, известного Глинского старца, монаха Феодота, Господу было угодно утешить скорбящего. Пришел к нему отец Феодот и говорит: "Не бойся, старец, не выгонят, ты здесь умрешь". Престарелый Феодот и другой известный Глинский подвижник, схиархимандрит Илиодор, были духовными друзьями отца Макария. Все они взаимно назидали друг друга беседой и примером своей жизни. Под личиной юродства монах Феодот скрывал великую мудрость о Господе. Он обладал даром прозрения и многим иносказательно, но довольно ясно предсказывал грядущее, что в свое время исполнялось. Однажды о. Макарий, по должности благочинного, вышел во время утрени из храма и увидел над братской кухней столб света. Сейчас же он догадался о причине его, ибо знал, что в кухне отец Феодот ночи проводил в молитве и труде святого послушания, чистя за себя и других своих помощников картофель для варки пищи братии. Он поспешил в кухонный коридор и тихо приблизился к двери. Через щель, образовавшуюся от трения старой щеколды, благочинный начал присматриваться, что делает старец Феодот. Он стоял в это время на коленях перед иконой Спасителя с воздетыми вверх руками, и из уст его выходил пламень по направлению к иконе, освещая стены. Отец Макарий поражен был этим видением и тихо удалился, а потом с чувством благоговения рассказывал некоторым из братии. Опасаясь, дабы о. Феодот не вознесся мыслей о своей праведности, о. Макарий умолял старца и даже запретил ему много открывать будущее. В свою очередь смиренный и младенчески незлобивый Феодот, заботящийся о спасении своего духовного собеседника, просил о. Макария, если можно, менее принимать мирских. "Имя твое везде славно, — говорил он, — а ты сам знаешь, как пагубна для монаха всякая слава".

Уступая настойчивой просьбе своих почитателей, о. Макарий позволил снять с себя фотографическую карточку. Старец Илиодор за это сделал ему строгое замечание. Сам он не снимался по глубокому смирению и ученикам своим сниматься не позволял. По тому же смирению схиархимандрит Илиодор не надевал схимнических одежд; отец Макарий подражал ему в этом.

XI

После блаженной кончины игумена Филарета многие ученицы почившего аввы перешли под руководство о. Макария. Как о. Филарет, так и отец Макарий имели особое духовное общение с инокинями Борисовской женской пустыни (Курской епархии). Последние часто бывали у своих старцев и вели с ними переписку. "При случае, — говорила одна из монахинь, — к о. Макарию сразу присылалось до 70 писем, и на все он не ленился отвечать". Приведем здесь сообщение престарелой монахини Агнии, которое ясно изображает отношение старца к ученицам. "Я, — пишет матушка Агния, — миряночкой была во многих обителях, многих старцев знала, но ни к кому так духовно я не расположилась, как к о. Макарию, которого сразу полюбила и сделалась его ученицей. Замечательно, что, видя его строгую жизнь, невольно многие, по силе своей, ему подражали. Познакомившись с батюшкой, я перестала есть мясное, потом сбросила цветную одежду и под конец пожелала поступить в монастырь".

"Мое знакомство с батюшкой состояло в скорби и терпении. При личном свидании он все ласкал да утешал, а молитвами своими снова под страшные скорби подводил, надеясь, что его же молитвами я их понесу". "Кого люблю, того и наказую", — нередко говорил батюшка, подражая священным словам апостола: "Его же любит Господь, наказует". Матушка Агния имела деньги, хорошую келлию, была любима игуменьей, от всех сестер имела почет, но это не было для души ее во спасение, ибо многими скорбями подобает нам внити в Царствие Божие, и вот старец помолился и устроил так, чтобы она понесла эти спасительные скорби.

Прежде всего старец хотел уменьшить почет ее со стороны сестер обители. Им она выписывала фольгу для украшения киотов к иконам и чай. Старец запретил вести торговлю и самой не велел работать, а чаще открывать Псалтирь.

"Это неважно, — подумала Агния, — родные помогают, я и так проживу". После этого о. Макарий писал ей: "Пошлетя тебе злое, потерпи Бога ради". — "Что батюшка пишет? — снова думает Агния. — Игуменя меня любит, деньги у меня есть, одежда есть, келлия хорошая, родные меня любят, что буду терпеть?" Но как она не была способна перенести скорбей благодушно, то они и отлагались до времени. Она еще приехала к своему старцу и несколько раз была у него. Он постоянно твердил: "Поплачь, поплачь; о чем бы не плакать, лишь бы не радоваться". Она все не обращала на это внимания: "Ты деньги побереги, тебе нужно будет крышу покрыть". — "У меня, батюшка, крыша новая". Старец подает параман и говорит: "Надень и до смерти носи — это скорби терпеть до смерти". Прощаясь с о. Макарием, матушка Агния сказала о волнении в сердце. "Там какое-то бремя готовится", — ответил подвижник. И вот в скором времени по приезде в свой монастырь на Агнию действительно легло бремя скорбей. Положение ее изменилось. Предсказание старца исполнилось в точности. Целый год она терпела гонение. Деньги ее пропали за одним купцом, келлию обокрали, родные в недолгом времени один за другим умерли. Надежда на деньги и на родных оказалась тщетной, так же как и на любовь многих. Во время скорби о. Макарий частыми утешительными письмами поддерживал свою ученицу. Наконец, она сама к нему приехала. Он говорит: "Грешному монаху, как мы с тобой, Агния, мало скорби, нужно посрамление потерпеть". И что же? Возвращается в монастырь, и ее из хорошей келлии переводят в худшую. От великих скорбей и посрамления начались болезни, которые продолжались несколько лет. Отец Макарий опять письмами подкреплял упдающий дух страждущей монахини, уверяя, что это все пройдет и она опять будет жить по-прежнему. Это также исполнилось; но уже не было во вред души, ибо она прошла горнило искушения и знала тщетную надежду на земные блага и на изменчивую любовь человеческую.

Вообще старец Божий одних утешал лучшим будущим, других предупреждал о будущих скорбях, подготовляя заблаговременно, чтобы постигшее легче переносилось, и т.д.

Желая отсечь самоволие, старец входил в положение учениц до мелочей и подробностей. Узнав от той же монахини Агнии, что она имеет довольно одежды и белья, сказал: "Что же ты не раздашь, ведь это грех. Я наг родился и хочу нагим умереть. Сколько у тебя горит лампадок в келлии?" — "Три". — "А сама спишь и потягиваешься. Лучше бы лампы не горели, да сама встала и положила сто поклонов" (Этим старец не отвергал принятого обычая возжигать лампы перед святыми иконами, но желал, чтобы с наружным благочестием было соединено душевное и телесное усердие наше).

Другая ученица о. Макария, почтенная монахиня — старица другого монастыря, про свое поступление в монастырь, по прозорливому указанию старца, рассказала следующее. "Однажды еще молодой, в какой-то праздник, я была в церкви Глинской пустыни, на соборном молебне. Между предстоящими я увидела одного тощего, высокого ростом, со впалыми глазами иеромонаха. Он стоял совершенно неподвижно, закрыв глаза. Мне очень захотелось видеть его лицо, и вот, только что я подумала об этом, как он повернулся ко мне и стал прямо на меня смотреть открытыми глазами. Это был, как я после узнала, отец Макарий. В другой раз я была в Глинской пустыни с одной маленькой девочкой. Много слышала я про отца Макария, но лично идти к нему почему-то как бы опасалась. После обедни я отправилась в номер гостиницы, а девочка незаметно для меня где-то осталась...

Через несколько времени она возвратилась и принесла мне небольшую книжку под заглавием "Краткое наставление монашествующим". "Эту книжку, — говорит, — вам велел передать высокий худой монах". После этого мне захотелось лично видеть о. Макария, и я просила гостинника узнать, примет ли меня о. Макарий, и получила от него ответ: "Пусть идет **ИЕРОСХИМОНАХ МАКАРИЙ (ШАРОВ)**"

в монастырь, а когда примут, то придет ко мне за благословением". Приехав домой, я стала очень скучать, ни в чем не находила удовольствия и вынуждена была ехать в Глинскую пустынь, к отцу Макарию. Он меня принял очень ласково, утешил и велел идти в монастырь. На мой вопрос, в какой идти монастырь и когда, он ответил, что Бог Сам все устроит. Возвратившись домой, в семействе я стала считать себя как бы чужой: жизнь в миру для меня потеряла всякое значение. Через знакомых я спрашивала отца Макария, что мне делать. И он велел передать, что когда настанет время поступления моего в монастырь, то я ни одной минуты дома более не пробуду. Желая прогнать гнетущую меня скуку, я поехала в один женский монастырь помолиться, не имея в виду поступить в этот монастырь, а между тем, когда брала благословение у матушки игуменьи, как-то совершенно неожиданно для самой себя попросилась в монастырь и была принята. После этого ездила к отцу Макарию. Он принял меня, как отец любимое дитя. Открыл двери своей келлии, велел хорошенько все высмотреть, несколько раз повторяя: "Смотри хорошенько, все смотри!" Показав келлию, он сел на пороге келлии и стал говорить мне о смирении, терпении, нестяжании и вообще, как следует жить монахине. После всего он сказал: "Желала бы ты, чтобы твоя сестра умерла?" Это он спрашивал про постоянно болящую мою младшую сестру, которую я очень любила, но расстаться с ней мне вовсе не хотелось. Я молчала; старец снова повторил вопрос и затем, как бы отвечая на мои мысли, говорит: "Не хочешь, а лучше, если бы она умерла, молись об этом". Молиться о смерти сестры я не могла, она поправилась и выросла, но сделалась самой несчастной, так что действительно теперь я сожалею, что она в то время не скончалась. Через год я не захотела жить в монастыре: скорбей было очень много, а переносить их у меня не хватало терпения. Опять я поехала к батюшке Макарию. Он мне велел съездить пожить в другой монастырь. Там я попросилась и была тоже принята. Чтобы узнать, где мне жить, я снова возвратилась к отцу Макарию. Он велел ехать в первый монастырь, сказав, что Сам Бог определит, в каком монастыре мне остаться. Когда я вернулась и рассказала матушке игуменье о своем путешествии, то матушка ни за что меня не отпускала, а за самоволие велела целую неделю класть поклоны. В этой скорби я снова была утешена отцом Макарием. Без нужного дела из келлии старец мне выходить не благословил и к себе принимать велел меньше. "Когда готовишься причащаться, под тот день ничего не кушай, молись", — говорил он. Прошло не мало времени. Отец Макарий сказал мне при личном свидании в Глинской пустыни: "Бери себе дочек (учениц), но чтобы подружек не имели, в церковь ходили, послушание проходили". До конца жизни о. Макария я пользовалась его мудрыми советами".

ХII

Исцеляя немощных, о. Макарий вряд ли молил Бога о исцелении своих немощей. Для спасения себя и ближних, а также ради славы Божией старец никогда не жалел себя. Но пришло время, и телесная храмина его стала приходить все в большее и большее изнеможение, хотя внутренний человек и возрастал непрестанно. Получив некое откровение о приближающейся кончине, старец "в напутствие к сожитию на небесех со ангелами", как он потом выразился, пожелал принять на себя великий ангельский образ и удостоился святой схимы 1 июня 1863 года с оставлением прежнего своего имени. С повторением иноческого обета, он еще более усугубил и без того великие свои подвиги. Опираясь на костыль, он твердо выстаивал до конца все продолжительные богослужения Глинской пустыни, несмотря на сильную болезнь. Его же любит Господь, — наказует, и избранников Своих ведет к царствию вечного блаженства крестным путем. В этом случае о. Макарий не обижен был у Небесного Домовладыки. Он двадцать лет страдал лишаиной сыпью по всему телу (кроме лица). Сыпь производила сильный зуд и жжение, особенно в руках и ногах, при худосочии, слабом пищеварении и ломоте. Кроме того, от долгих стояний ноги подвижника сильно опухали. Он ужасно страдал, но страдания сии еще усиливал добровольными подвигами благочестия. Так велика была любовь старца к Подвигоположнику Господу Иисусу Христу, так вожделевал подвижник Царства Небесного!..

С принятием схимы о. Макарий перестал вести переписку с посторонними, но мужчинам, желающим видеть его и получить благословение, не отказывал в приеме и даже для женского пола делал в особых случаях исключения. Так, в скором времени по принятии схимы пришла Пелагея Антоновна Сусликова, благочестивая землячка о. Макария. "Ну, Пелагея, — сказал ей старец, — теперь мы с тобой в сем веке не увидимся". Услышав это, собеседница заплакала и сказала: "Вы, батюшка, огненную реку перейдете, а я, грешная, останусь здесь и куда денусь?" — "Молись за меня. Если буду иметь дерзновение ко Господу, не забуду тебя и там".

За шесть месяцев до смерти изможденный подвижник затворился в своей келлии и принимал к себе только иноков, но более предпочитал совершенное уединение. Пока он был в силах один или при участии кого-либо из братии, вычитывал все богослужения у себя в келлии; когда же болезнь повергла его на одр, он благоговейно выслушивал молитвословия, не вставая. Теплая непрестанная молитва была единственным утешением подвижника во время болезни и еще более отделяла его от всего земного и смертного. Ибо, по слову святителя Иоанна Златоуста, через беседу с Богом мы становимся выше смерти и тления и переходим к жизни бессмертной. Теперь еще чаще о. Макарий стал приобщаться Святых Тайн Христовых, твердо веруя в скорое разрешение души своей от уз плоти.

Особым видением о. Макарий уверен был, что не будет задержан на страшных мытарствах. Монахине Агнии подвижник говорил: "Лежу я больной и скорбный. Господи, не готов я, а конец жизни приближается! И вижу белый столб, как бы бумагой оклеен, до самого неба восходит. На том столбе большая площадь; там хорошо, сказать тебе не умею. Это мне было место показано, и слышал я глас, что мне мытарств проходить не придется". Вот почему он с нетерпением и бестрепетно ожидал своей кончины. Стоя при входе в загробный мир, о. Макарий спокойно мог прощальным взором окинуть пройденный им земной путь и особенно в последние дни своей сказать с апостолом: "Мне жити — Христос и умрети — приобретение".

Незадолго до кончины, по собственному желанию, о. Макария перенесли в братскую больницу. Жизнь подвижника угасала подобно тихому мерцанию потухавшей лампы. Перед кончиной подвижник перестал говорить и только взорами, устремленными горе, давал разуметь, что молитвенный дух его стремится скорее "разрешиться и со Христом быти". Напутствованный в жизнь грядущую христианскими Таинствами, оплакиваемый почитателями, блаженный старец 21 февраля 1864 года, на 63-м году от рождения, тихо и мирно предал душу свою Господу, Которому усердно служил во все дни своей жизни. 23 февраля совершена была заупокойная литургия, после которой о. игумен Иннокентий с собором священноиноков воздал святопочившему своему старцу последний долг отпевания, предав многотрудное тело его общей всех матери — земле.

Цитируется по книге:

Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Глинский Патерик. М., «Самшит», 1997 г.